

Александр СОЛОВЬЁВ

ДОРОГИ БОГОВ

@ЭЛИТА

12+

Мегафар

Александр Соловьёв

Дороги Богов

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Соловьёв А.

Дороги Богов / А. Соловьёв — Электронное издательство
"Аэлита", 2013 — (Мегафар)

На кашатера Расина объявлена охота. Ему нет места в нашей вселенной – Мегафаре. Между тем, Расину уготовано стать Мастером Справедливости, но для этого он должен пройти дорогами богов, пролегающими через три сферы – Время, Пространство и Сознание. Как это сделать, если в миг появления в Мегафаре он будет тотчас уничтожен?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Соловьёв

Дороги богов

© ЭИ «@элита» 2013

* * *

Неумолимое, как судьба. Хлёткое, как пощечина...

Только что виденные отблески костра, дальний берег озера и лица друзей – всё, как в воду кануло. Воспоминания темны, разум пытается воскресить образы, но не может. Сама ткань мысли превращается в рубище.

– Доэ?

Погружаясь в черноту, Вадим ещё чувствовал её теплую руку. Затем всё исчезло.

Внезапно окутал мрак. Какой прожорливый... Не просто отсутствие света, – потерялось всё, кроме этих отрепьев мыслевой материи: они медленно перемещались, как предметы в невесомости.

– Доэ!

Если умер, и это загробный мир, то почему не изменился голос? Эхом разносится по просторному вместилищу, границы которого невидимы.

Попытался что-то нащупать, но не было рук; захотел идти, но и ноги исчезли. Весь мир утонул в черном масле.

– До-о-э-э!..

Миг перехода от жизни к смерти – то, что всегда представлялось таким ужасающим и вместе с тем загадочным, должно быть, уже миновал. Как это странно... Пустота в душе не пугает. Видно, так и должно быть. А может, чувств больше не осталось?

Кажется, собирался кого-то позвать...

В памяти мелькают рыжие волосы, зелёные глаза, и тут же исчезают. И уже не вспомнить. Память – бесконечная линия черных строк.

Всё вязнет...

Мысли останавливаются...

Глава 1

Несколько последних дней Милену Гааль не покидало скверное предчувствие. Ей казалось: вот-вот должен позвонить Сикорский с предложением прервать отпуск. К несчастью, у начальника была такая вот дурацкая привычка неожиданно нарушать все её планы. Что поделывать, работа – есть работа. Чем лучше и успешней шли дела Милены, тем больше надежд и ответственности на нее возлагал начальник.

После возвращения из Беару прошло почти два месяца. Бесплодные попытки добиться возобновления экспедиции, увеличения бюджета, привлечения к раскопкам тяжелой машинной техники довели Милену до нервного истощения.

Что случилось с дядей, по-прежнему оставалось загадкой. Гид-калаец не сказал ни слова. С вещами дяди Ромуальда в руках он успел выскочить до того, как пещера закрылась, но ему словно память отшибло.

Это не был оползень или землетрясение, просто края входа сомкнулись – так, по крайней мере, это выглядело. Никаких груд щебня и камней, никакой пыли и абсолютно никакого шума.

С каждым днем Милена становилась тревожней и рассеяней. Что-то и с её памятью сделалось не так. Начали теряться разные мелкие вещи. Ей даже пришлось пройти курс лечения мнемонем. Да толку-то. О, двадцать третий век, ну когда же ты изобретешь панацею от всех бед?

В конце концов, Милена вынуждена была просить об отпуске.

Слетав на две недели по туристической путёвке на Гуланос, она вернулась в Каллиону. Как будто, немного попустило, но внезапно обуявшая лень привела к тому, что отпускной быт упростился до трёх составляющих: сон, пища и приобретение ненужных вещей.

В доме образовался беспорядок. Приступить к генеральной уборке Милена никак не решалась, и это угнетало ещё больше. Она пыталась понять причину своего бездействия, но чутье подсказывало, что не нужно торопиться: ответ придет сам.

Все эти дни Милене на память приходил Виктор Жарро, её алуанский приятель, лингвист: судьба свела их минувшим летом на Юрзана на раскопках того самого подвального помещения храма мау, вокруг которого тогда было столько шума.

В то время она работала над сбором материала по эгианской культуре: Сикорский готовил статью для нового учебного издания. Присоединиться к экспедиции Милене удалось не без помощи дяди Ромуальда. Благодаря его связям с китами археологического мира и личной дружбе с Виктором девушка примкнула к группе ещё в Йорканте, за день до отправки на полуостров. В экспедиции Милена планировала пробыть около трех недель.

Виктор был помощником шефа. В первый же день знакомства Милена узнала, что его считают одним из лучших специалистов по древним языкам народов Южной Таранты.

Поначалу светловолосый красавчик её несколько не впечатлил. Чересчур был он правильный, самоуверенный, не в меру улыбчивый, до предела пунктуальный и ко всему скептик. Но со временем Милену заинтриговала его потрясающая эрудиция, к тому же он был достаточно мягок и оказался хорошим гидом.

Милена трудилась над изучением искусства племен эгия за пятьсот лет до Катастры – в общем – и культурой народа мау – в частности. Кроме того, её интересовал новый взгляд на обряды, связанные с эгианскими жертвоприношениями в свете последних открытий витальной тотем-биологии.

С тех пор, как жертвоприношения перестали казаться цивилизованному миру варварскими и зловещими, в истории, философии, социологии, этике и других гуманитарных науках

образовалась огромная ниша, которую ученые всех стран пытались заполнить. Даже умирающая археология переживала теперь свое второе рождение.

Когда при раскопках было обнаружено, что вся северная стена подземного святилища покрыта таинственными петроглифами, и Виктор по мере освобождения стены от обломков, грунта и пыли начал их расшифровывать, Милена немедленно изменила рабочее название статьи. Поскольку Виктор среди всей группы оказался единственным специалистом, способным тотчас создать рациональную систему исследования, Милена сочла необходимым как можно больше времени проводить с ним рядом.

Узнав о неожиданной находке, руководство по телефону продлило её командировку на две недели.

Тексты мау касались кремации и погребальной практики. Материал, из которого были изготовлены символы, инкрустированные в стену, был необычен для Юрзана, как и сам стиль написания знаков. Находясь в дремучих лесах, экспедиция не располагала возможностью быстро улучшить свое оснащение, и Виктор стал использовать подручные средства. Метод определения источника материала представлял собой подсчет соотношения изотопов водорода и меди установленной масс-спектрометрией вторичных ионов. Метод стар (его применяли уже более двух веков) и не совсем надежен, к тому же в базе данных нашлось единственное место на планете, где залегал кремнистый песчаник с подобным химическим составом. Это была Земля Льдов. Но использование материала, залегающего на отдаленном материке под километровой толщей льда, казалось маловероятным.

Когда стена была полностью освобождена, Виктор начал составление перевода. Уже первый его вариант даже у искушенных археологов вызвал шок. Письмена явно намекали на связь мау с возникшей позже цивилизацией калахая: в них упоминалась триада богов – держатель вселенной по имени Передарама-га, Мать-Земля Адитима и Бог-Неба-и-Огня-Творящий-Время-и-Пространство. Также говорилось о возможности сообщения мау с другими цивилизациями и мирами и, наоборот, о вероятности изоляции одних племен и народов от других.

Тогда же Милена обнаружила пристрастие Виктора к загадкам цивилизации калахая, которые называли себя сыновьями Солнца.

Перевод и фотоснимки петроглифов были направлены на экспертизу в Северную Ассоциацию историков и археологов, где их перехватили органы Службы БЗЕРА. Бзерашники, беспокоясь о Безопасности Западного полушария и Трехстороннего союза, немедленно взяли раскопки под свой тотальный контроль и на следующий же день направили к месту раскопок агентов.

Материалы, собранные Миленой, прошли тщательнейшую цензуру. Из них была изъята львиная доля текстов и все фотографии. Милена была вынуждена дать расписку о неразглашении научной тайны. Несмотря на все протесты Виктора, ее, как недостаточно квалифицированного работника, отстранили от раскопок и отправили в Батильман, а оттуда в Каллиону.

С тех пор Милена возненавидела агентов Службы БЗЕРА.

Вернувшись, она действительно попыталась все забыть. Но, кроме злости и неудовлетворенного азарта, все же остались теплые воспоминания о новом приятеле.

Какое-то время Милена с Виктором переписывались. Должно быть, Виктор поначалу не мог отделаться от чувства вины за случившееся: наверняка, он думал, что мог повременить с экспертизой, тем самым продлив срок пребывания Милены на Юрзана. Но потом писем стало меньше, и, в конце концов, связь оборвалась. Единственным живым воспоминанием от той прошлогодней экспедиции остался их первый и последний поцелуй на прощание.

Однако, возможно, именно эта незавершенная работа вдохновила Милену на последнее путешествие в Беару. На сей раз её постигла трагическая неудача. Больше всего её мучило то,

что обстоятельства случая, происшедшего с дядей Ромуальдом, были безнадежно погружены в туман.

В конце концов, внутренний рационализм стал побеждать. Прежде всего, Милена тщательно застелила постель и проветрила квартиру. Собрав волосы в узел, она принялась за уборку. Выбросила в утилизатор использованную посуду, освободила холодильник от просроченных продуктов, стёрла пыль, прошла по комнатам. Сколько же здесь ненужного тряпья, невозможно даже припомнить, где и когда она всё это купила. То, что хоть раз надевала, – в утилизатор! Милена запустила автоуборщики, но через минуту один из них тревожно засигнализировал. Оказалось, в пылесос втянулись лямки рюкзака, который среди других грязных вещей лежал за диваном. Он пробыл здесь два месяца и до сих пор не был разобранным.

Среди походных мелочей, которые Милена вытряхнула на пол, выскользнула небольшая серебристая пластина. Это был маленький цифровой фотомейкер для микросъёмок и сканирования грунта, какими обычно пользуются археологи.

– Какая же я дура! – искренне поразились Милена.

Она повертела аппарат в руках и почувствовала, как тревожно забилося сердце. Все, что так тяготило её в последнее время, имело шанс найти немедленное разрешение.

Заглянув на кухню и потребовав у автомата большой молочно-манговый коктейль, она взяла в руку холодный пластиковый стакан и направилась в кабинет. Там Милена удобно устроилась в кресле и, подключив фотомейкер к голографическому слайдеру, принялась изучать материалы.

После того, как правительство Новой Амадонии создало в руслах трёх великих рек Укайи, Уальи и Марайи национальный заповедник и запретило там все виды транспорта, проникнуть к восточным склонам Южной гряды со стороны Стели представлялось затруднительным как по времени, так и в связи с опасностями, которые таили влажные амадонские леса. Поэтому путь к месту раскопок пролегал через хребты.

Вначале шли снимки перехода по пустынным береговым равнинам.

Имея пристрастие к художественной съёмке, профессор Ена даже в таком унылом деле, как путь по засушливым местам, находил плюсы. Скучная растительность западных предгорий, называемых «жаркой землей» – кактусы, стелющиеся кустарники, лишайники – все было подмечено с профессиональным вкусом и с самых неожиданных ракурсов. Далее следовали склоны холмов и гор, поросшие карликовыми деревцами, берега ручьев и дальние вершины, покрытые вечными снегами. Эти места напомнили ей о двух трудных перевалах, на которые ушла почти неделя.

Потом начались высокогорные тропические луга.

Милена листала дальше, и вот природные этюды сменились фотографиями людей на фоне густой растительности горного тропического леса. Отсюда и дальше на восток простиралась Стель.

Среди экспедиторов и калайцев-носильщиков Милена узнала мрачного и тощего Аденора Гальдоха. С каждого снимка он смотрел из-под своей широкополой шляпы неизменным взглядом филина.

Далее последовала серия снимков, на которых была она – Милена. Вот она по пояс в воде, в другом месте – рядом с хмурым Аденором на фоне стволов гевея. Здесь она на ветке хинного дерева, а тут в гуще огромного древовидного папоротника, и ещё на фоне огненно-красных орхидей. На некоторых снимках был дядя Ромуальд. Она сама его снимала во время разбивки лагеря на перевале.

А вот вход в пещеру – ту самую, куда она так и не успела войти и где оказался замурованный дядя.

И вдруг Милена ахнула: на снимке взволнованно улыбающийся профессор стоял на фоне большого постамента из гладкого темного материала – не то мрамора, не то гранита – на

поверхности которого высечены письмена. Вверху – фрагмент могучего подбородка какого-то божества явно в калахайском стиле. В самом основании постамента неглубокая ниша. В ней что-то поблескивало – продолговатое, вроде скипетра.

Больше снимков в памяти не было.

Таращась в экран, Милена задумчиво погрызла костяшку кулака.

Снимок делал, разумеется, калаец, дядя ещё не пришел в себя, никто ещё толком ничего не разглядел: просто первое фото – миг обнаружения.

– Письмена, – прошептала Милена и отпила коктейль.

Она отключила фотомейкер от слайдера, запустила большой потолочный компьютер и выгрузила на него все фото. Надев очки с оптической лапой, она легла на планшетку и дождалась, пока датчики найдут нужные места на руках и ногах.

Подвигав лапой, Милена открыла последнее фото и вошла в виртуалку.

Она могла видеть ту часть пещеры, которая попала в объектив и, естественно, все «обратные стороны», такие, как спина профессора, боковые и задняя поверхности пьедестала и голей статуи были созданы самой программой и не имели информативного значения.

Подойдя к дяде, Милена заглянула ему в лицо.

Свойственная дяде Ромуальду манера немного кичиться своим общественным положением даже в эту минуту была выражена в его грубоватых чертах. Быть может, он успел на какой-то миг представить себя выступающим на съезде археологов или пресс-конференции в окружении учёных и журналистов. Взгляд и улыбка подчеркивали важность и историческое значение находки: это было лицо полководца, выигравшего решающий бой.

– Что же здесь случилось, дядя Ромуальд?

Подойдя к нише в постаменте, Милена присела и стала внимательно рассматривать предмет.

Пыль, недостаточное освещение и резкий отблеск от вспышки не давали возможности установить сплав, но совершенно определенно можно было заключить, что это в самом деле как минимум одна из копий скипетра Верховного Калахая, украшенный рубином размером с яблоко.

Милена подошла к той части постамента, где виднелись письмена. Символы были не похожи на всё, что она знала. В памяти всплыли ткани с узорами, вписанными в квадраты по кайме – те, что она видела несколько лет назад в национальном музее беаруанской культуры.

Милена шевельнула лапой, выделила текст и, скопировав его, послала на анализ. Ответ тут же показал отсутствие аналогов в базе данных всех языков мира. Милена разделила панораму на две части и в одной из них открыла атлас древних языков Северной и Южной Таранты. Потратив около часа, она не нашла ничего, за что можно было бы уцепиться. Вывод напрашивался сам: перед ней уникальный снимок фрагмента сакрального письма калахая. Да только вот в чем проблема: любой первокурсник знает, что письменность калахая запрещена их же жрецами и уничтожена!

И опять вспомнился Виктор.

Не выходя из виртуалки, Милена открыла адресную книгу, кликнула изображение Виктора и постучала в развернувшееся окно. Как и следовало ожидать, Виктора в сети не оказалось. Этого парня вообще нелегко было застать дома.

Выйдя из виртуалки, Милена отключила датчики, сняла устройства и села за клавиатуру.

«Привет, Вик! В Андах найдены руины пещерного храма калахая. Профессор Ена исчез. Высылаю его последнее фото. Если можешь, посмотри знаки. Милена».

Отправив письмо, она попыталась продолжить уборку, но все валилось из рук, и она, чтобы как-то развеяться, отправилась заказывать продукты.

Спустя два часа, когда Милена вернулась и активировала компьютер. В почтовом ящике оказалось сразу четыре послания от Виктора.

«Привет, Милена! То, что случилось с профессором Еной – очень неприятно. Только что узнал подробности от коллег. Изображение получил. Работаю».

Следующее письмо было прислано через пять минут.

«Привет, Милена! А тебе самой это что-нибудь напоминает?»

Почти сразу ещё одно.

«Привет, Милена! Почитай Гарсила Делавеху!»

Еще через сорок две минуты пришло последнее.

«Милена! Надо немедленно встретиться!»

Девушка проворно нацепила устройства и, войдя в виртуалку, вновь постучала в окно к Виктору. Ставни тотчас распахнулись.

– Ты сменила лицо! – поразился Виктор.

– Это не пластика, – фыркнула Милена. – Просто такой... образ.

В последнее время она иногда подрабатывала для прессы, и ей часто приходилось бывать на различного рода конференциях и форумах, где её персональное лицо могли узнать. Но нет! – она не из тех дур, которые до тридцати успевают полностью сменить внешность.

– Понятно, – с облегчением кивнул Виктор. Он лихо прошел сквозь подоконник, стал рядом с Миленой и развернул большую физическую карту Южной Таранты. Над Стелью и равниной Монталия нависли облака, и Виктор их разогнал.

– Показывай! – возбуждённо сказал он. – Где это?

Милена неуверенно поводила рукой.

– Где-то здесь.

Виктор почесал затылок.

– Можешь взять отпуск на несколько дней? – спросил он. – Надо встретиться. Там, в Беару. Все расходы беру на себя.

Милена пожала плечами.

– Я и так в отпуске. И у меня осталось ровно двадцать дней.

Он выжидающе посмотрел на нее, потом вдруг стушевался.

– Знаешь что?.. Я давно не писал... Столько работы навалилось, понимаешь...

– Вик, оставим это. Разве ты обязан был мне писать? Меня интересуют письма и то, что случилось с дядей. Тебе удалось хоть что-нибудь расшифровать? И что там насчет Делавехи?

– Делавеха... – бодро подхватил Виктор, явно обрадованный её деловому тону. – Он – автор одной древней книги. «История государства Калахая», наверняка слыхала... Так вот, надпись на снимке сделана на неизвестном языке. То есть, я хочу сказать: неизвестном современным лингвистам. Как-то во время чтения «Истории...» ко мне пришла мысль сопоставить разные образцы прикладного и декоративного искусства калахая с узелковым письмом «киу». Тебе, наверное, известно, что язык «киу» разработан на основе семибитного двоичного кода?

Милена кивнула.

– Так вот, – продолжал он, – проследив закономерность расположения вертикальных, горизонтальных и наклонных линий узоров, а также соотношение половинчатых, четвертных и шестнадцатых отрезков, из которых созданы узоры калахая... Короче, я обнаружил прямую взаимосвязь между письмом «киу» и стилем построения декоративных узоров на тканях, а также внешних и внутренних стенах некоторых зданий. Я проанализировал около двух тысяч различных рисунков, в том числе и таких, которые относятся к до– и послетаусуйскому периоду...

Он сделал продолжительную паузу и торжественно объявил:

– Результат превзошёл все ожидания! Передо мной открылись совершенно новые просторы! И сегодня, когда ты прислала эти знаки, я смог прикоснуться к одной из самых великих загадок истории!

– Господи, Вик... Да говори же, наконец! Что они тебе сказали, эти знаки?

– Милена, речь идет о сокровищах.

– Что?

– Письмена говорят о сорока корзинах золота и драгоценностей, которые калахая спрятали от катастранцев. Когда Корсадо со своим отрядом завоевал империю и стал правителем, небольшая группа воинов калахая перенесла весь основной запас сокровищ в надежное место.

– Что это за место?

Виктор как-то неопределенно развёл руками.

– Милена, похоже, нам придётся уточнять это прямо на месте.

– Как так? Ты можешь сказать, что тебе удалось прочитать?

– Калахая отнесли свои сокровища «в другую вселенную». Именно так и написано. И вход туда открывается через «вневременные ворота». Что это значит, понятия не имею. Может, дальше есть объяснение? На фото видна часть текста, остальное в объектив не попало. Вот почему я говорю, что разбираться надо на месте.

– А как тебе самому кажется, что это значит? – Милена почувствовала уже как начинает в ней зудить азарт.

– Ну, если отбросить то, что все мы знаем об альтернативных мирах и всевозможных порталах из фантастических тиви-сериалов, это может быть поэтическое название одного из подземных ходов, оборудованных калахая.

– Да, Вик... Но, Вик... вход в пещеру закрыт. Мы бы могли хоть сейчас, но там нужна серьёзная техника. Нас двое. Как мы справимся?

Виктор улыбнулся.

– Отыщи мне это место. Если понадобится, я любую технику раздобуду. Только покажи, где эта пещера.

Милена не любила заставлять себя упрашивать.

– Ладно, когда сможешь прилететь в Лимен?

– В четверг. – Виктор уже был готов к вопросу. – Только перешли подробное письмо, ладно? Все обстоятельства экспедиции.

– Хорошо. Итак, через два дня в Лимене. Нам понадобится транспорт. И ещё... Я буду с друзьями. Встречаемся возле музея антропологии и археологии. Время я сообщу в письме.

– Заметано!

В Лимене стоял плотный влажный туман, по-местному называемый гаруа. Дома и улицы буквально тонули в нем. Это форс-мажорное обстоятельство несколько не останавливало туристов, желающих посетить руины Марании и Хаджиана.

Опустившись по трапу, Милена остановилась, поджидая приятелей.

Лана Урси была её давней подругой. В Беару она согласилась лететь без колебаний, лишь только почувствовав, что пахнет приключениями. Лана была девушка прямая, темпераментная и практичная. Познакомились они ещё в школе. Надо заметить, кроме регулярных занятий спортом подруг на протяжении всей их дружбы объединяло неотступное желание прививать друг другу свои собственные привычки. Как ни странно, больше уступала Лана. В угоду Милене одно время она даже пыталась читать книги по истории и археологии, хотя это занятие давалось ей с трудом. Прежде она восхищалась умственными способностями Милены и её успехами. Когда-то она сама намеревалась получить хорошее образование. Но, будучи по природе человеком непоседливым, Лана, в конце концов, выбрала профессию, связанную с тяжелой физической нагрузкой, да ещё с работой на высоте: она была контролером вакуумных линий – тех паутин, что располагаются на крышах многоэтажек. Её страстью были все виды экстрима – от лазанья по стенам небоскребов до прыжков с парашютом.

Милене нравилось в подруге её умение правильно оценивать ситуацию и делать логические выводы, а также её спокойствие и немногословность: это не так часто встречается у девушек. Хотя порой жажда острых ощущений могла привести Лану к безрассудству, чувство меры в постановке цели всегда помогало ей выходить сухой из воды.

Лана ступила на трап, откинула с лица каштановую челку и помахала Милене рукой. Кроме приветствия это значило ещё и вот что: всё в порядке, мы с Максом помирились (в самолёте они неожиданно заспорили о высоте Южной гряды в районе Лимена).

Вслед за Ланой вышел её великан. Макс Бинч был симпатичным молодым человеком с улыбкой, не сходящей с мужественного лица. Наверняка Макс мог бы легко посадить обеих девушек себе на плечи, взять в руки багаж, да так и топтать в горы, к месту назначения, ни на минуту не останавливаясь.

Бинч расправил плечи, широко улыбнулся, застегнул черную кожаную куртку и стал спускаться, на ходу что-то шепча Лане на ухо.

Этот парень считал себя настоящим авантюристом. Жизнь в нём была ключом. Большую часть времени он пребывал в возбужденном настроении. Увы, несмотря на аналогичное пристрастие ко всякого рода экстриму, он совершенно не подходил Лане. На самом деле они были как собака с кошкой. Объединяли их не общие увлечения, а какие-то случайные обстоятельства. Даже познакомились они из-за аварии на перекрестке. Макс и Лана напоминали Милене двоих людей, запертых в одном лифте. Похоже, этим лифтом была бездоказательная вера Макса в их совместное безоблачное будущее. Макс неизменно старался отстоять право на своенравную девушку, но это вызывало между ними новые стычки.

Приглашая эксцентричную пару, Милена вполне давала себе отчет, что минусы этого милого эскорта могут запросто перекрыть все плюсы, но в настоящее время других кандидатур не было, а идти в горы с Виктором один на один её предостерегала задетая гордость.

Сойдя вниз, компаньоны посмотрели по сторонам.

– Ого, туманище! – не то вздохнул, не то восхитился Макс. Он попытался отобрать у девушек сумки, но те решительно отказались.

– Вперед! – скомандовала Милена.

Покинув аэропорт, компания поймала ржавое такси и сквозь клубящееся желтоватое марево двинулась к музею.

Добравшись до места, они расплатились с таксистом и, взвалив на плечи сумки, с изумлением уставились на бесформенные контуры здания.

– Это и есть музей? – недоверчиво спросил Макс.

В эту минуту от стены отделился силуэт.

– Милена! – раздался знакомый голос.

Виктор подошел ближе.

– Бог мой! Ты стала ещё красивее!

Он попытался обнять Милену, но она нахмурилась, аккуратно отстранилась. Виктор сделал вид, что не заметил этого, он улыбнулся Лане, затем на Макс.

– Ну... Как перелет?

– Отлично, Вик! – сказала за всех Милена. – Знакомьтесь! Виктор Жарро. Напомню: он, преподаватель Алуанского университета, один из лучших в мире специалистов по древним языкам.

Изобразив смущение, Виктор поклонился.

– Моя подруга Лана Урси, скалолазка, – представила Милена. – А это Макс Бинч, он очень сильный.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Рад знакомству! – От Милены не ускользнуло, как ловко Виктор стряхнул с себя цепкий взгляд Макса. – Вот наш «фольксваген». Арендован на целый день. Для начала стоит кое-что утрясти в Лимене.

– А именно? – поинтересовался Макс.

– Прежде всего, предлагаю навестить одного моего старого друга. Когда-то вместе учились, правда на разных факультетах... Зато играли в одной футбольной команде. Его зовут Альфред Таурес, работает в министерстве рыбной промышленности.

– Зачем он нам? – спросила Милена.

– Таурес – человек со связями. Я попросил его разузнать о том калайце, который последним видел профессора.

– Этот калаец молчун! – сказала Милена. – И он единственный человек, который мог бы пролить свет... Мне так и не удалось поговорить с этим истуканом. Доктор сказал, это из-за шока.

– За два с половиной месяца ситуация могла измениться, – заметил Виктор и двинулся к «фольксвагену».

– Верно! – поддержала Лана. – Надо проверить все варианты.

Забросив сумки в багажник, они уселись в машину.

– Так что мы собираемся искать, господин Жарро? – деловым тоном спросила Лана.

Виктор ответил не сразу:

– Пока точно неизвестно. Снимок видели все? Похоже на одно из типичных мест, где калахая поклонялись своим божествам. Что-то вроде пещерного храма...

Он достал и развернул увеличенную голографию петроглифов.

– Это часть карты. Здесь указан путь, который проделали калахая, чтобы спрятать свой груз. Если я не ошибся в переводе, в пересчете на наши кредиты речь идет о миллиардах.

Макс присвистнул и не проронил ни слова.

Первой молчание нарушила Лана:

– Так чего же мы ждем, чёрт побери?!

Альфред Таурес носил тонкие усики и очки в роговой оправе. Он был похож одновременно как на нынешнего жителя Беару, так и на коренного калайца.

Слащаво улыбнувшись, Таурес предложил гостям перейти на террасу, но друзья, сославшись на дефицит времени, отказались.

Виктор пообещал Тауресу непременно заехать на обратном пути. Тот только развел руками и, попросив прощения, удалился, а компаньоны остались ждать на крыльце.

Через минуту Таурес вернулся.

– Человек, которого вы ищите, получил сильное нервное потрясение, – сказал он. – Аденор Гальдох долгое время работал гидом в государственной организации туризма, поэтому он уважаемый в Беару гражданин. Поскольку он пострадал, находясь в международной экспедиции, то был госпитализирован в самую лучшую в Лимене клинику. Там ему была оказана квалифицированная помощь, после чего Аденору стало немного лучше.

– Мы можем с ним поговорить? – спросила Милена.

– Безусловно. Теперь он выписан и уехал домой, в родную деревню, она называется Сепала, это в трех часах езды от Лимена. – Таурес протянул листок с информацией и адресом. – Недалеко от Серого Паска.

Добраться до Серого Паска, а затем до Сепалы и отыскать там домик Аденора Гальдоха не стоило особого труда. Гораздо трудней было пробить оборону жены Гальдоха – Имакулы, женщины, весившей не меньше ста пятидесяти килограммов.

– Мой муж больше не хочет общаться с белыми! – закричала она на языке кшача. – Оставьте нас в покое! Ищите себе других проводников! Он и так уже достаточно поработал на таких как вы! И что мы от этого имеем, кроме того, что теперь бедный Аденор не может спать ни ночью, ни днем? Стоит ему только заснуть, как он тут же с криком просыпается, ибо во сне к нему приходят калайские духи, чтобы забрать его с собой в нижний мир...

Она перекрестилась и, уперев толстые руки в бока, выпятила грудь.

– Но, уважаемая миссис, нам с ним обязательно надо поговорить, – дипломатичным тоном произнес Виктор, доставая из кармана купюру. – У нас к нему очень важное дело.

В эту минуту из-за её широкой спины показалась заспанная физиономия калайца.

– Хе-хе... Госпожа Милена!.. По-прежнему ищите проблемы? Стало быть, происшествие в перевале не вразумило вас! – Он зыркнул на жену, и его брови спаялись в одну линию. – Имакула, оставь нас.

Сердито вырвав из руки Виктора купюру, Имакула удалилась.

– Что надо, господа? – поинтересовался калаец.

– Здравствуй, Аденор! – дружелюбно сказала Милена. Ей показалось, что за время, что они не виделись, его худое лицо еще больше вытянулось. – Как поживаешь?

Калаец скорчил презрительную гримасу.

– Поживал бы лучше, кабы союзники и северотаранцы вместо того, чтобы ворошить чужое прошлое, занялись чем-нибудь по-настоящему полезным.

– Например, осели бы в маленьких деревушках и прятались за спинами своих жёнушек? – съязвил Макс.

Аденор сверкнул глазами филина.

– А ты ещё что за фрукт, чтобы меня судить?

– Простите его, – сказал Виктор. – Мы знаем, что вам пришлось пережить очень неприятные моменты. Вероятно, и я бы на вашем месте постарался как можно дальше отойти от дел и коротать время в такой вот, – он глянул по сторонам, – небольшой, но уютной деревеньке.

– Вы мне зубы не заговаривайте? – раздражённо перебил Аденор. – Чего надо?

– Мы хотим предложить вам не очень сложную, но весьма высокооплачиваемую работу, – сказал Виктор.

– Единственной работой, которую я выполнял последние тридцать лет, было вождение таких, как вы, по Стели да по горам. Но с того дня, как духи подали мне знак, я со всем этим завязал.

– Вы – человек верующий, – Виктор указал на символ на груди калайца. – Разве духи, живущие в скалах, могут иметь власть над праведником?

– Боги калахая нашли способ ужиться с нашим богом, – убеждённым тоном сказал Аденор.

– В таком случае и мы найдем способ с ними не ссориться! – улыбнулся Виктор. Наклонившись к калайцу, он что-то шепнул ему на ухо.

В ответ тот многозначительно скривился.

– Правительство назначило мне пенсию по справедливости, дабы я сидел дома, – сказал он. – Стану я рисковать собственной жизнью ради нескольких кредитов?

Виктор вновь наклонился к нему, но и на этот раз калаец недовольно заворчал.

Виктору пришлось ещё трижды шептать Аденору на ухо, пока недовольство на лице калайца не сменилось хитрой, отвратительной ухмылкой.

Глава 2

Неизвестно, сколько минуло времени, прежде чем Вадим почувствовал приближение... Он не мог понять, что это надвигалось – неясный шум, слабое мерцание света?.. Волна некоей движущейся реальности, способной разрушить непроглядную темноту и беззвучие, врывается в черное небытие.

Лишь через несколько минут кашатер осознал: это его возвращающиеся чувства.

Понемногу чернота стала разряжаться. Глаза ещё не были способны различить наступающие изменения, но Вадим определенно понимал: вокруг происходит что-то глобальное.

Он вновь собирался кого-то окликнуть, память как будто ещё таила чей-то неясный образ... нет, лишь тень образа. А может, это просто наваждение...

И тут вдруг его словно швырнуло в мир звуков, света и запахов. От неожиданности Вадим на мгновение зажмурился и тут же открыл глаза.

Стоял пасмурный день.

Вадим осмотрелся.

Узкий, петляющий канал. Дно выстлано голубоватым мхом.

Вадим протянул руку, прикоснулся пальцем к крохотному сиреневому вкраплению. Ягодка.

Он осторожно сорвал, приблизил к глазам. Маленькая, идеально круглая, прозрачная, похожа на икринку.

Так... Икринки бывают у рыб. А рыбы живут в... Странно, но это он почему-то забыл.

Вадим поднял голову.

Справа, слева темные заросли. На сероватых скелетных ветвях кустарников большие эллиптические листья цвета спелого инжира. Инжир растет в Крыму, а Крым – это...

Увы, он не помнил.

Вадим встал на ноги, ощутил в мышцах небывалую упругость, начал взбираться на склон. Схватившись руками за нижние ветви, подтянулся, ловко вскарабкался наверх и попытался пролезть сквозь кустарник.

Черт побери! До чего же плотно растут ветви: все попытки пролезть между ними оказываются тщетными. Это все равно, что пытаться протиснуться сквозь частую решетку.

Пришлось снова спуститься на дно канала.

Куда идти? Где север? Где юг? Никаких примет.

– Без разницы, – буркнул Вадим и пошел прямо.

Он обогнул склон, но оказалось, что впереди ещё один поворот. Пройдя метров двадцать, Вадим понял, что идет по петле. Он ускорил шаг. Ещё через несколько десятков метров канал повернул в противоположную сторону.

Вадим шел и то и дело поглядывал вверх, но кустарники росли по всему краю канала. Высота их раза в два превышала его собственный рост. Кроны были раскидисты, и верхние тонкие ветки нависали над каналом.

Еще дважды Вадим попытался перебраться через кустарник. Заросли были слишком густы и, похоже, простирались в стороны на много шагов, и нигде не было видно просветов. Один раз Вадиму всё же удалось влезть по ветвям почти до самого верха куста, но тонкие ветви изогнулись и скинули его обратно на мшистое дно.

Тогда Вадим взобрался на склон и попытался ломать ветви, но нижние были слишком прочны, а верхние оказались на удивление эластичны, они гнулись, как полиэтилен, и ни одна из них не треснула.

Вадим побрёл по каналу. Иногда канал раздваивался, обхватывая рукавами островки, покрытые тем же лиловым кустарником, порой он вливался в другой канал, и даже образовывал

перекрестки и снежинки, иногда он делался шире, а, бывало, настолько сужался, что можно было идти по нему, почти касаясь руками обеих стенок.

Это был лабиринт – странный, запутанный, неземной. Он пугал однообразием. На склонах не было следов дождевых потоков и какой-либо поросли. Повсюду лишь плотный гладкий грунт. Нигде на поверхность грунта не выходили корни кустарника. Слой мха на дне везде одинаковой толщины, то здесь, то там в нём тускло поблёскивали ягодки. Верхний край канала такой, будто его постригли пару месяцев назад, и лишь кое-где молодые побеги вытянулись к... нет, солнца никакого не было.

А ведь ещё вчера оно сияло над полями и даже пекло затылок... в том прекрасном зеленом мире, последнем из миров, который он посетил.

Вадим остановился, обхватил лицо руками, принялся растирать лоб.

Вспоминай же!

...Кодекс кашатеров позволял использовать силу персолипов, но мораль, сидящая глубоко внутри, претила «пожирать» братьев по разуму.

Какой драматический момент в жизни Вадима Расина, кашатера охраны Хомофара!

Персолип – желеобразный мыслящий гриб, энергетическое скопление. Вадим наткнулся на него случайно.

Круглое неподвижное создание обитало в кармане колодца и ненароком оказалось на пути Вадима в ту самую минуту, когда силы его были на исходе.

Стоп. Колодец! Как он вообще попал в него?

Вадим более-менее помнил себя, начиная с этого пункта своего полета (кстати, а были ли предыдущие полеты? – вероятно, были, ведь он кашатер!) – и до... Однако нет, последующие события стёрты.

Вадим сел на мягкий бирюзовый ковер, обхватил колени руками, принялся усиленно вспоминать.

Думай!

Сероватое тело. В центре – глаз, похожий на фотообъектив (что это такое – фотообъектив?).

Так-так. Вот оно. Этот гриб был как... ну, вроде как настоящий хомун. Он мог мыслить, чувствовать, рассуждать... Он проявлял такой искренний интерес к своему плотоядному гостю, то бишь, к Вадиму.

И его надо было слопать. А иначе как?

Вадим помнил: он умышленно тянул время, увяз в размышлениях о мироустройстве, о различии в морали абсолютных васт и относительных полукровок-хомунов. Что нравственно, а что – нет. О чем он только ни говорил тогда.

Растрата сил, энтропия и всё такое. Вот что было главной проблемой того мира!

В той несправедливой вселенной приходилось жить за счет других. Иной возможности нет.

Ладно, надо вспомнить, что было до этого? Откуда и куда он летел по колодцу?

Вадим закрыл глаза, свел брови к переносице и стал вспоминать свой полет.

Узкий тоннель: не шире, чем метро... Так, снова загадки. Метро. Этаким подземный ход, по которому бегают поезда, верно? Сдается, раньше частенько приходилось кататься в этом самом метро.

Кто-то куда-то пропал, кто-то важный, и его, Вадима Расина, кашатера Кантарата, отправили на поиски.

И он мчался по колодцу с невероятной скоростью, возможно, даже близкой к световой. И его всеведущее подсознание вело непрерывный подсчет секунд... Долго ли он летел? Нет,

сейчас он уже не помнит, сколько времени провел в колодце. Должно быть, не меньше недели. А может, целый месяц.

Он все летел и летел, а тело постепенно теряло силы. И если их не восполнить, то он бы умер. А ведь в том мире, откуда он пришел, ему говорили: хомуны бессмертны. Но это – как сказать. Да, несомненно, во вселенной есть все условия для бессмертия, во всяком случае, срок жизни ограничен единственно сроком жизни самой вселенной. Но, чтобы жить, надо питать своё тело. А для этого требуется умертвить существо более слабое, чем ты сам, ибо «продление жизни одной энергетической субстанции требует разрушения другой».

Вадим снова вернулся мыслями к персолипу.

Создание пожелало ему, кашатеру Кантарата, победы и...

«Съешь меня, – говорил гриб. – Если я дам тебе силы, ты предотвратишь событие, смертельно опасное для многих рас. Существа спасутся. Значит, и я приму в этом участие, а ты станешь настоящим героем».

Так он сказал.

Там, в колодце, Вадиму предстояло сделать выбор.

Вадим не знал, о каком смертельно опасном событии говорил персолип, но отчетливо помнил пришедшее тогда прозрение.

«Нет, – ответил он тогда, – герои не едят мыслящих тварей». И он полетел дальше.

Кашатер Расин съел собственную одежду, ведь одежда тоже сделана из силы, – и смог продолжить полет. Какой же он изобретательный, однако. Впрочем, похоже, кто-то ему наемкнул.

А впереди было ещё множество приключений. Он помнил их смутно, как давние сны. Снег, ледяные глыбы, странные существа... Рыжая девчонка и ворчливый старик. А ещё запомнились белые изогнутые столбы. Их там было бесконечное множество. Они росли плотными группами и издавали жуткий вой, от которого тело таяло, словно... шоколад.

Что такое шоколад?

Кашатер Расин вновь поднялся на ноги. Прислушался к ощущениям. Голода, жажды не было. Хороший знак. Мышцы – словно налиты металлом. Только память подводила.

– Моё всеведущее подсознание... как там тебя? Ты должно пробудиться! – сказал Вадим и зашагал дальше.

Он шёл много часов подряд. Ноги не уставали, сомнение не входило в сердце: он шёл туда, куда его вёл лабиринт.

Небо застлало бледно-сиреневые облака, они медленно ползли вдаль. По-прежнему нельзя было определить, где восток, где запад: светила не просвечивали сквозь пелену.

Спустя некоторое время дно канала стало каменистым, мха больше не было. Вадим ускорила шаг, и через час высота склонов начала уменьшаться. Вот попался совсем оголенный островок. Вадим без труда забрался на него. Встав на носки, увидел верхушки деревьев вдали, а за ними вершины гор.

Спрыгнув, Вадим пошел к лесу.

Через полчаса канал закончился. Вадим выбрался наверх и оглянулся.

До самого горизонта простиралось лиловое поле кустарников.

«Чудненько», – подумал Вадим.

Он двинул было к лесу, но тут земля ушла из-под ног. Вадим полетел в яму, грохнулся на дно, но дно не выдержало и провалилось.

Вместе с грудами глины он летел вниз. Не кричал, просто стиснул зубы. Было темно. Тело ударялось о выступы в стене, переворачивалось в воздухе, снова проламывало какие-то рыхлые полы.

Ветхое, сырое, многоэтажное здание из глины... вот, что он чувствовал, падая.
Вадим пытался за что-нибудь уцепиться, но пальцы скользили.
Он стремительно набирал скорость.
Вдруг земля под ним толкнулась, и он потерял сознание.

Глава 3

– По всему побережью, от Талеры до Мольяно находятся руины памятников великой Империи, – сказал Виктор, стоя на самом краю ущелья спустя два дня после визита в калайскую деревушку Сепалу. – Это части храмов, святилищ, а также пещеры и просто скалы – места поклонения богам, называемые хаки. Большинство их находится в долине Лимена и в районе Чау, а также на берегу озера Титиана. Но есть неизведанные труднопроходимые места, которые сами, обладая магической силой, могут прятаться от людских глаз. Верно ли я говорю, Аденор?

Калаец не ответил. Оглядев местность, он показал пальцем на расщелину, скрытую в кустарниках.

– Тут где-то спуск, – сказал он и пошел первым.

– Каждое из этих мест может считаться священным, – продолжал Виктор, следуя за калайцем. – Будьте внимательны. Любой подозрительный знак, выщерблина на камне, увиденные вами, могут оказаться ключом.

Компаньоны, озираясь по сторонам, стали опускаться по естественным каменным ступеням.

Милена, последней подойдя к расщелине, на минуту задержалась, любуясь далекой заснеженной вершиной.

– Мир первозданный! – восхищенно вздохнула она.

Вдруг сзади раздался треск – точно кто-то наступил на сухую ветку. Милена обернулась, но никого не увидела.

Подтянув сильней ремни рюкзака, она раздвинула кусты и полезла в расщелину.

Спуск оказался долгим, и Милене это было не по душе. Несмотря на то, что в прошлый раз им тоже пришлось изрядно попытеть, прежде чем они достигли цели, этого спуска она не помнила. Она выразила сомнение вслух, на что Аденор недовольно бросил:

– Так короче будет!

Часа через два – когда стали сгущаться сумерки – они, наконец, достигли дна ущелья.

– Привал, – бросил Аденор. – Тут заночуем.

Разожгли костер, вскипятили чай.

Соорудив из сухой травы подобия ложей, все разлеглись. Калаец разместился поодаль.

– Господин Жарро, у меня к вам вопрос, – сказала Лана. – Кому молились калахая? Какие у них были боги – злые или добрые?

– Калахая – народ таинственный, – задумчиво сказал Виктор. – Об их религиозных воззрениях науке известно совсем немного. Все библиотеки сожжены дотла катастранцами. Существуют только гипотезы, предположения. Я сам предложил несколько из них.

– Идиоты они, эти катастранцы, – заметил Макс. – На хрена книги-то жечь? Представляю, сколько бы они сейчас стоили.

Виктор усмехнулся.

– Дело даже не в их цене. Считается, что калахая обладали мистическим знанием. Достоверно известно имя верховного бога – Апуон-Тивира Куан. Калахая считали, что Апуон-Тивира создал вселенную. При этом он использовал три элемента: воду, землю, огонь. Вода – это время, земля – это пространство. А огонь – это дух, сознание. Апуон-Тивира поделил мир на три уровня. Самый тонкий – мир богов. Средний – мир, в котором обитают духи умерших и те, кому ещё предстоит родиться. И грубый – мир разумных людей и животных. Средний и грубый миры сообщаются между собой через пещеры, родники, кратеры и озёра. В древние

времена существовали специально подготовленные люди, своего рода проводники: они следили за тем, чтобы в средний мир могли попасть только посвящённые.

– Проводники – это уже интересно. – В глазах Ланы засверкали блики костра.

– Так, по крайней мере, говорят петроглифы, – сказал Виктор. – С верхним же миром можно контактировать только при посредничестве верховного калахая. Самого сына солнца, воплощенного бога. Верховный калахая некогда жил в городе Кускан и правил всей Империей. Затем с севера пришли катастранцы и оттяпали ему голову. Любопытно, что к этому событию калахая были как будто готовы. Они отнеслись к нему как-то слишком уж спокойно, словно к необходимому испытанию. Трудно сказать, злыми или добрыми были боги калахая. Могу уверенно заявить, что они были неглупыми.

– Опять эти катастранцы! – возмутился Макс. – Ну что за народ!

Он поднялся и сердито бросил:

– Ладно, господа, я до ветру.

Отойдя шагов на тридцать, он скрылся за каменной глыбой. В ту же секунду раздался его прглушенный зов:

– Эй! Сюда!

Виктор вскочил и бросился к нему. Милена с Ланой поднялись и тоже поспешили к глыбе. Глыба оказалась большим обломком скалы. За ней ущелье расширялось и ступенями уходило вниз. В самом низу между лежащими полукругом камнями зиял большой провал, из которого исходил рассеянный свет. А дальше поднималась стена: это был тупик.

Милена почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Пещера не была похожа ни на базу альпинистов, ни на какое-нибудь другое цивилизованное заведение. Если они нарвались на местную банду, шансы на спасение невелики. О жестокости беаруанских головорезов ходят легенды.

– Тс-с! – Виктор приставил к губам палец, подавая Максу знак вернуться.

Компаньоны, стараясь не шуметь, отступили назад и спрятались за глыбой.

– Есть предложения? – шепотом спросил Виктор. – Что скажешь, Аденор?

– Нам нельзя туда, – сказал калаец. Он заметно нервничал. – И уходить тоже нельзя. Мы должны ждать.

Калаец топтался на месте и оглядывался назад.

– Ждать, – фыркнул Макс. – А вдруг это притон разбойников? Мы будем ждать, а они выберутся и кокнут нас. Тогда уж давайте на них первыми обрушимся.

– А что, если это и есть то, что мы ищем? – предположила Лана.

– Нет, – Милена покачала головой. – Я точно помню: та пещера была горизонтальной, а тут – под наклоном. Это другое место. И свет...

– Кто бы там ни прятался, а если обрушиться первыми, мы наверняка застанем их врасплох, – сказал Макс. – Ну, хотите, я обрушусь на них один?

– Почему это мы не можем отступить? Чего мы должны ждать? – спросил Виктор у Аденора.

– Ждать, – зло повторил калаец. – Так велят боги.

– Чушь, – буркнула Лана.

– Давайте вернёмся к вещам и всё как следует обдумаем, – предложила Милена.

Тут сзади, в нескольких шагах от костра, бухнулся камень: он свалился прямо со скалы. За ним посыпалось ещё несколько мелких камешков.

– Сюда кто-то идёт, – сказала Лана.

– Этого ещё не хватало, – прошипел Виктор и взял Милену за руку.

Через пару минут вверху послышались голоса и шорохи.

Милена поймала на себе короткий хищный взгляд Аденора.

– Куда ты нас завёл?

Калаец сделал шаг в сторону, но Макс схватил его за рукав.

На фоне темной скалы стали различимы фигуры людей.

– К пещере! – решительно сказал Виктор. – Быстрее! Мы должны выиграть время.

Он был прав, другого пути не было.

Макс, волоча за собой Аденора, бросился первым.

Прежде чем добраться до ступеней, пришлось перелезть через несколько каменных глыб. Вход в пещеру, насколько можно было рассмотреть в темноте, выглядел естественным. Скальные обломки лежали в беспорядке. Но что-то было не так. Милена тут же сообразила: на них нет толстого слоя мха, который рос на дне ущелья повсюду. Казалось, пещера открылась совсем недавно.

Аденор выругался на кшача и попытался вырваться, но Макс стукнул его между лопаток, и тот закашлялся. Виктор подобрал толстый сук дерева, проверил на прочность.

Лана знаком показала Милене, что желает идти сзади.

Ход имел правильную геометрическую форму, а ступени были гладко обтесаны. Пространство хода было заполнено голубоватый свет, но сколько Милена не осматривалась, источников его не увидела. От всего этого становилось еще больше не по себе.

– Портал, – прошептал Виктор.

– Или наркохранилище, – тихо отозвалась сзади Лана.

Ступеньки закончились, и компаньоны оказались в коридоре с высоким сводом из почти монолитного камня, только кое-где его прорезали трещины и швы между блоками.

Коридор сделал поворот, впереди был большой темный проем.

– Стой смирно, – цыкнул Макс на Аденора и толкнул его к стене.

Виктор шагнул к калайцу и, прижав палец, к губам, велел молчать.

Макс подкрался к проёму, заглянул.

В тот же миг с легким хлопком зажглись факелы: целые ряды их были подвешены к стенам. Огромное просторное помещение озарилось оранжевым светом.

Увиденное заставило всех ахнуть.

Посреди круглой залы был цилиндрический постамент из темного мрамора. На нём стояла гигантская эллипсовидная голова с глазами-тарелками, массивным носом и толстыми кривыми губами. Всю боковую поверхность постамента покрывали знаки – те самые, что были на фотографии.

Вдоль стен стояли красные статуи. Это были диковинные звероподобные существа с признаками обоих пола. На лицах застыли злоеющие улыбки.

Милена, забыв об опасности, подошла к постаменту. Символы явно были высечены много столетий назад.

– Неужели мы их нашли? – прошептала Милена. – Но как такое может быть?! Мы даже не дошли до восточного склона!

– Видно, пещера в горах заплутала, – сказала подошедшая Лана.

– От хаки всего можно ожидать, – заметил Виктор. Он достал из нагрудного кармана фотомейкер марки «даст-профи» и, подойдя к пьедесталу, принялся щёлкать.

В эту минуту калаец, оставленный без присмотра, вскрикнул что-то на кшача и выскользнул из зала.

Никто не бросился вдогонку. Все стояли и тарасились на каменное изваяние.

– Это и есть Апуон-Тивира! – сказал Виктор. – Повелитель огня, земли и воды.

– Создавший вселенную, – добавила Лана.

– Он самый, – кивнул Виктор, обходя зал. – А вокруг – слуги.

Милена потрогала мрамор, прошлась вдоль постамента. Здесь все было таким же, как в виртуальной реальности. Не доставало только дяди с его застывшей улыбкой.

Вот и скипетр. Присев, Милена нагнулась и сдула с него пыль. В свете факелов блеснула золотая поверхность. Милене представилась плавильня, в которой калахая отливали этот атрибут священной власти. В утолщение скипетра был вмонтирован здоровенный рубин. Ей захотелось к нему прикоснуться.

– Осторожно, – Виктор присел рядом. – Видишь, профессор Ена не рискнул к нему дотрагиваться. Посмотри на этот знак.

Под рубином проступал рельеф: змейка в виде человеческого профиля.

– И что это значит?

Виктор пожал плечами.

– На вид тяжеленький, – заметил Макс, подходя к ним.

Виктор вынул минипринтер и, подключив к нему фотомейкер, отпечатал развернутый снимок постамента.

– Теперь у нас есть карта! – сказал он.

В эту минуту раздались крики и топот шагов: в залу вбежала толпа калайцев с кольями и ножами. Впереди был Аденор Гальдох.

– Убить всех! – крикнул калаец.

Макс ринулся вперёд. Двинув ближайшему в челюсть, он выхватил у него из рук кол и принялся им ловко орудовать. Двое упало, но на Макса накинuloсь сразу четверо или пятеро головорезов, и ему пришлось отступить.

Трое калайцев бросились к постаменту, один из них хищно уставился на Милену. Она машинально схватила скипетр. Неожиданно алая вспышка ослепила глаза: рубин озарился сиянием.

В следующий миг случилось невероятное. Голова бога пришла в движение. В каменных глазах блеснула жизнь, они стали наливаться фиолетовым светом. Губы исказились, между ними образовалась щель. Милена отскочила от постамента. В зале все замерли. Только Макс не заметил метаморфоз. Он пытался выдернуть копьё у одной из статуй, но тут каменный зверобог заупрямился: он не собирался расставаться с оружием. Остальные статуи-гермафродиты вздрогнули и, повернув головы, устремили невидящие взгляды на непрошенных гостей.

– Ваш ид! – пропела одна из статуй удивительным многоголосым хором.

У Милены закружилась голова.

– Ну же! – ревел Макс. Он вцепился в копьё двумя руками и принялся дубасить зверобогом об стену, а затем, разогнав его по полу, изо всех сил долбонул каменной головой о постамент. Голова гермафродита раскололась на части.

Тут опомнился Виктор. Он подхватил свой сук и с истошным воплем метнулся в гущу головорезов. Виктор успел несколько раз ударить, прежде чем его самого как следует двинули в грудь. Опрокинувшись на спину, он проехал по полу до постамента. На помощь подлетела Лана, она подала руку, Виктор вскочил на ноги – и вовремя: на то место, где он лежал, грохнулась каменная рука, отбитая Максом.

Калайцы стали наступать. Один из них бросился на Милену. Она махнула скипетром, но не попала, зато Виктор с размаху хватил его суком. Бандит охнул и, схватившись за голову, повалился на колени.

Тут Макс с рёвом устремился на банду. В руках, словно пропеллер, завертелось трофейное копьё. Что-то захрустело, калайцы стали с криками отступать назад, один из них рухнул, другой оказался в лапах гермафродита, всё перемешалось.

– Ваш ид! – звучал радостный аккорд.

Завязалась битва, в которой участвовали уже три стороны.

Лана, завладев ножом убитого бандита, бросилась к Аденору, увернулась от удара, сделала подножку. Он припал на одно колено, и в мгновение ока Лана оказалась позади. Схватив калайца за волосы, она приставила нож к его худосочному горлу.

– Отпусти! – прорычал Аденор.

– Оставайся здесь, чертов ублюдок! – прошипела Лана. – Твои боги не дураки, разберутся, что с тобой делать!

Резким движением она нарисовала кровавую линию. Глаза Аденора округлились, он захрипел и, взявшись за горло, свалился.

Милене показалось, что время на миг застыло. Она успела встретиться взглядом с Ланой. Там была тревожная пустота.

В это время верхняя часть Апуон-Тивира стала запрокидываться назад. Открылась темная пустота входа.

– Врата! – крикнул Виктор.

Пасть зияла, а в глубине вился зеленоватый туман.

Половина калайцев валялась на полу, двое или трое из них были мертвы. Кольцо, создаваемое гермафродитами, сужалось. По плечу Макса обильно текла кровь.

Неожиданно раздался грохот, и вход в залу привалила огромная глыба, окончательно перекрыв путь к отступлению.

Оставшиеся в живых калайцы завопили и сбились в кучу.

– Уходим! – крикнул Виктор. – Все туда... в рот... Здесь нет другого выхода.

Макс, пытавшийся отбить голову одному из зверобогов, коротко прокричал:

– Я прикрою!

Первой на постаменте оказалась Лана. Не мешкая, она бросилась в пасть. Ее окутало зеленоватое сияние, и она исчезла.

– Милена! Ты! – донесся откуда-то издалека голос Виктора.

Упершись ногой в нишу, она подтянулась на руках. Нога соскользнула, но Милена повторила попытку и, задыхаясь, заобралась на постамент. Вскочив на ноги, подбежала к дымящейся пасти, на секунду замерла и ринулась внутрь.

Глава 4

По правую сторону от Кантарата, среди гор в заливе Офары берег нетронут, дик и прекрасен своими голубоватыми утесами и странной кристаллической косой, уходящей в Глубину. На самом краю косы есть расширение, где вполне может поместиться маяк для кашатеров охраны Хомофара, летающих за пределами колодца. Впрочем, здесь и был когда-то маяк, но потом его снесли, а на фундаменте построили невысокую будку для переговоров.

Будка имеет форму ротонды. Купол её венчает небольшая смотровая площадка, окруженная перилами.

Отсюда берег кажется сплошным синеватым мазком, а горы сливаются в чернильную кляксу.

В Пустыне совмещены свойства оболочки и Глубины. Если говорить языком поверхности, откуда все родом, то здесь действует сила тяготения, справедливы законы механики, но, вместе с тем, звучат они совсем иначе, чем на более грубых уровнях.

По сути, территория Пустыни – самая внутренняя плоскость, образующая проекцию лучей сознания.

Упершись руками в перила, на площадке ротонды стоял мужчина среднего возраста. Серый поношенный плащ неприглядно облегал его женоподобные формы, края шляпы слегка дребезжали на ветру. В бесстрастных стеклах очков отражались витки Млечного Пути.

Человек стоял уже несколько часов, неотрывно глядя в неясный туман Глубины.

Лицо его было неподвижным, лишь изредка нервный тик подергивал скулу, – однако, не чаще двух-трёх раз за полчаса.

– Всё будет хорошо, – тихо сказал человек. Он говорил так, ибо испытывал некоторое тревожное предчувствие.

Придерживая рукой шляпу, человек посмотрел вверх. Ему на миг показалось, что над головой пронеслась тень.

Вверху, прямо над ним, пролегла нечеткая граница между Глубиной и бесцветным небом его мира – рубеж, который ему не суждено было пересечь, несмотря на все обещания старика Харта.

– Приветствую тебя, Балмар! – послышалось сзади.

Человек в плаще резко обернулся.

В воздухе, покачиваясь, висели три расплывчатых пятна.

– Драмин Хи, – тихо сказал Балмар. – Давно не виделись. Как добрался?

– Для даанов не бывает путевых проблем, – презрительно ответил драмин. – Со мной груз. Совет стихий прислал тебе благодарность.

– Вот как? – Балмар вопросительно посмотрел на пятна, парящие рядом с драмином.

– Нет, – со смехом бросил Хи. – Это мои компаньоны. Чаги и Заро. Груз ещё в пути, он вот-вот прибудет.

– Надеюсь, это не какая-нибудь блуждающая воронка, – сказал Балмар. – Если что-то в этом роде, то груз будет сбит, едва только пересечет сигнальную межу, это я вам обещаю. Тогда взрыв искривит обратную дорогу.

– Рассказывай сказки! – пробурчал Хи. – Межа не охраняется. По-твоему, я не знаю, куда направлено оружие береговых баз?

Балмар промолчал, лицо его осталось неподвижно.

– О, мировое зло! – воскликнул Хи. – Ты, кажется, обиделся на меня, Балмар? Эй, вы видели это?

Балмару показалось, что пятна в какой-то степени приобрели хомуноподобные формы. Хи, висевший посредине, повернулся поочередно к одному и другому, после чего спутники закивали. Раздался смех.

– Нет, Балмар, – сказал Хи неожиданно холодным тоном, – речь идет не о блуждающей воронке, а о трех силовых шарах, которыми тебя награждает совет стихий.

Он указал рукой-языком на чёрный океан.

– А также, – продолжал он, – об устной благодарности, посланной тебе от имени великого даанского драмира. Твоя заслуга в том, что тебе удалось вытащить из оболочки хомуна, который смог укротить Захватчика. Несмотря на то, что впоследствии им обоим удалось сбежать, дело считается закрытым. Захватчика нет больше в Мегафаре. Стоит ему попытаться вернуться, его местонахождение тут же будет установлено, поскольку мы теперь располагаем о нём всей внешней информацией.

– Внешней? – Балмар подумал, что, должно быть, он ослышался.

– Мы не знаем его – а точнее, её – устройства. Но по внешней информации мы вычислим её в тот же миг, когда она надумает вернуться. То же касается и хомуна, совершившего преступление против Мегафара.

– Как им удалось сбежать? – спросил Балмар.

– Подлец Харт, – коротко пояснил драмин Хи.

– Он предоставил убежище? – догадался Балмар. – Разорвал с нами контакт и поступил, как ему заблагорассудилось. Что ж, в этот раз ему удалось здорово насолить.

– Чем? – рассмеялся Хи. – Он всего лишь убрал мусор.

– Боги... боги... – наигранно сказал Балмар. – Ведущие кашатеры... Не удивлюсь, если все они множатся прямо в Харте.

– Прямо там они и множатся, уважаемый, – подтвердил Хи. – Верно, коллеги?

– Так точно, – кивнул Чаги.

– Именно так, преподобный, – ответил Заро.

Внезапно Балмар почувствовал себя маленьким и беззащитным. «Почему я не взял с собой тузоров? – подумал он. – Тузоры теперь не помешали бы, хотя бы для острастки».

– Тузоров пришлось бы отправить на переработку, – с ухмылкой сказал Хи. – Вряд ли эти твари могли бы тебя спасти.

Да, давно Балмар не вел подобных переговоров. Это Харт во всем виноват. Из-за него Балмар стал чересчур мягкотелым. Харт всегда делал поблажку. Вечно прикидывался чахлым. Распустит пузо и стоит, помахивает своей лопаткой для оладий. Думай, говорит. А чего думать, если все и так предельно ясно?

Вот уже триста с лишним лет длится власть Балмара, а не нашелся до сих пор человек, который посмел бы перечить главному хомуну. Разве что, этот новый ведущий кашатер Расин. Но с ним всё решилось как-то само собой. Только что Хи подтвердил, что Расин совершил преступление против Вселенной. Значит, его судьба решена.

Ну, и, разумеется, Харт. Но Харт не хомун, так же как Балмар – не врим и не шадра. Как ни крути, Харт – Иное Подобие.

– Не такой, как мы, – согласился Хи. – Нам с тобой его не уразуметь. Мы вообще не можем знать, что он задумал. У него, видишь ли, другое понимание.

– Факт, – подтвердил Заро.

Как развязно они себя ведут, эти пришельцы! Вечно раздают советы, угрожают, мало того, ещё и безо всякого стеснения читают мысли!

– Итак, господа, чем могу быть полезен? – Балмар попробовал перевести разговор в деловое русло.

Вримы перекинулись взглядами: теперь главный хомун четко различал не только контуры их фигур, но и отдельные черты лиц. Начал привыкать.

- Ты наверняка хочешь вернуть своего ручного кашатера, – сказал Хи.
- О ком это ты? – прикинулся непонимающим Балмар.
- Да уж не о том самозванце, что осквернил площадь Суда. Я говорю о послушном, управляемом, шёлковом кашатере Криброке.
- Разве он ещё жив?
- А что с ним может случиться, Балмар? – Драмин Хи ухмыльнулся. – Криброк не так силен, как Стаброк или Махалус, зато он верен тебе и чист перед Мегафаром.
- Услышав имена Стаброка и, тем более, Махалуса, главный хомун насторожился.
- К чему это ты клонишь, драмин?
- Я помогу тебе вернуть Криброка. Сдаётся мне, без него ты чувствуешь себя не столь неуверенно.
- Поможешь вернуть взамен на что?
- Драмин Хи удовлетворенно хмыкнул.
- Вот это уже деловой подход. – Он обернулся к Заро. – Ученый Заро, объясните-ка. Заро, который всё больше приобретал форму бородатого толстяка в высоком головном уборе, выступил вперед.
- Некоторые боги вашего фара начинают просыпаться, – объявил он.
- «Почему я всегда все узнаю не из своей лаборатории, а от вримов?» – с тоской подумал Балмар.
- Журдилана, Стаброк, Ладо и Махалус ещё не порождены, но их причины уже на пути становления. В настоящий момент они не в вашем времени, господин Балмар, и вряд ли даже после того, как приобретут статус высших кашатеров, они отправятся к вам. Скорее всего, каждый подастся в свою собственную эпоху, чтобы занять уготованное ему место.
- Вышеперечисленные кашатеры – выходцы из хомунов, – сказал Балмар. – Они придут из двадцать третьего века новой земной эры и займут отведенные им ниши в прошлом. И это ни для кого не секрет. Дальше что?
- А дальше то, – продолжал Заро, – что вам наверняка должно быть известно: пути всех четверых пролегают через некоторые слои оболочки Хомофара периода вашего правления.
- Возможно, – сказал Балмар. Он начал волноваться.
- «Впрочем, к чему волнения? – спросил он себя. – Ведь все это теперь меня мало касается.»
- Судьба четырех вольнодумных, революционно-опасных и строптивых богов уже решилась, причем довольно благополучно для Кантарата и в особенности для самого Балмара. Кашатеров поглотила пустота. Теперь всему народу Пустыни можно сколько угодно показывать портреты богов и без всякой для себя угрозы называть их героями.
- К сожалению, судьба погибших кашатеров ещё окончательно не решена, как вы изволили подумать, – возразил Заро. – Ведь боги не погибают. Однако кашатеров вполне можно остановить на том этапе, когда они не стали богами. Эти хомуны ещё слабы, но их защищает закон причинно-следственных связей, особенно, пока они пребывают в оболочке. Но здесь, в Хомофаре, всё в ваших руках. Вы располагаете целой армией хорошо подготовленных оболочечных кашатеров, можете разослать их во все поверхностные уровни.
- Насколько я знаю, путь становления богов-хомунов пролегает не только через мой фар. Вполне вероятно, что эти четверо могут посетить и другие фары, в том числе временные и пространственные...
- Это уже не ваша забота, – отрезал Заро. – Я отправлюсь к этим хомунам и постараюсь внедриться в группу. Если кандидаты будут идти самостоятельно и не спеша, они окрепнут и наберут потенциал, необходимый для того, чтобы стать богами. Моя задача – ускоренно прогнать их по пути становления и, когда силы, защищающие их, отступят, нанести решающий удар.

«Не много ли на себя берете, ученый Заро,» – подумал Балмар темным закоулком подсознания – местом, сокрытым от ясновидения.

– У Заро богатый опыт работы среди хомунов, – сказал Хи, всё же разгадав мысли главного хомуна. – Некоторое время назад ученый уже выполнял секретное задание в вашем фаре. Разумеется, по распоряжению совета стихий. Ещё до тебя, Балмар. Можешь поднять архивы и проверить. Нелегальное имя Заро – Зориас. Слышал о таком? Он работал на трех поверхностных уровнях и создал довольно большой силофар, который и доньше не утратил своего потенциала. Мощью этого силофара Заро будет пользоваться в ходе выполнения операции. Ну, как, договорились?

– Если всё пройдет успешно, я утрачу целый кусок истории! – не выдержал Балмар.

– И ещё какой кусок! – подтвердил драмин. – Ты потеряешь все свои проблемы. Тебе не придется пугать твоих хомунов портретами героев. Их попросту не будет. Об этих богах-кашатах будешь помнить только ты, поскольку будешь единственным из хомунов, кто останется вне матрицы причинно-следственных отношений, касающихся этих четырех богов. Таким образом, у тебя, уважаемый, останется твоя бюрократическая система в чистом виде – незамутненная, незапятнанная.

Баламар мрачно ответил:

– Совет стихий в любом случае узнает о нашем сговоре. Это, во-первых. А во-вторых, вполне очевидно, что вы надумали ослабить мои позиции. Само собой, Стаброка и Махалуса будет проще. Однако проще – не значит лучше. До этих пор я вполне справлялся со своими делами. Справлюсь и в дальнейшем.

Наступило короткое молчание. Его нарушил драмин Хи:

– Но-но-но, приятель. Неужто ты думаешь, что старина Хи прилетел бы к тебе просто так, не имея ничего за душой? Чаги!

Чаги развернул в пространстве мутноватое голографическое изображение, на котором довольно четко был виден Балмар.

– Показывай! – приказал драмин.

Изображение ожило. Голографический Балмар запер дверь и подошел к широкому пульту, вмонтированному в полусферу.

Главный хомун узнал обстановку кантаратской лаборатории, какой она была около сотни лет назад. Съёмка велась легальной камерой наблюдения, той, что передает информацию в его же собственный кабинет.

Проклятие! Крысы! Кто мог это сделать?!

Голографический Балмар включил пульт и несколько нитей метаплазмы потянулись к его голове. Балмара встряхнуло.

– Да, господин, – глухо произнес он.

– Уберите это! – крикнул Балмар-реальный.

Чаги хотел выключить изображение, но драмин предостерегающе поднял два языка:

– Досмотрим.

– Рапортую, мой господин, – сказал голографический Балмар. – Есть договор с коллегами из фара два-три-семь-семь харитов. Через пятнадцать тысяч секунд Махалус вылетает в колодец. Возле станции его ждет ловушка. Его отправят в бессрочную резервацию в толщу черни...

– Слахал? В толщу черни, – улыбнулся Хи. – Вот, стало быть, где обитают твои умершие герои. Похоже, ты не слишком опасался тогда, что об этом узнает совет стихий? Тебе не кажется, что это явное попрание Великого Соглашения? По-моему, иначе, как произволом, твои штучки не назовёшь. Печально, дружище...

Балмар сделал глубокий вдох, медленный выдох и сказал:

– Так, господа! Даю добро на проведение операции. Предлагаю обсудить детали.

– Это не всё, – сказал Заро.

– Что еще? – насторожился драмин Хи. Видимо, он не был готов к неожиданным поворотам.

– Закон равновесия, – сказал Заро. – Если кашатеры становятся на путь богов, кто-то должен утратить способности.

– Что за чушь?! – воскликнул драмин. – Кто этот кто-то?! Вы случайно не намекаете на то, что по мере того, как четверка будет двигаться по пути становления, мы с вами станем слабеть?

– Разумеется, нет. Речь идет не о нас с вами, преподобный. И даже не о господине Балмаре. Я провел некоторые подсчеты, и они показали, что конечной точкой пути кашатеров в самом деле будет Харт.

– С чего вы взяли, ученый Заро? – спросил Балмар.

– Видите ли, господин главный хомун, по условиям инициации чтобы стать истинным богом, необходимо сделать три вещи: посетить три васты, выйти за пределы Мегафара и умереть. Если бы путь четверки начался в Пустыне, то, вероятно, кашатерам резонней было бы сначала умереть, а уж затем войти в Харта, поскольку, во-первых его отыскать куда проще, чем выход из Мегафара, и, во-вторых, Харт охотней принимает воскресших. И третьим этапом их пути была бы экскурсия по чистым вастам: время, пространство, сознание... Но, поскольку кашатеры живы живехоньки, и в настоящий момент они в своем двадцать третьем веке движутся в васту пространства, мы можем предполагать, что путь их окончится как раз в Харте.

– К чему вы клоните? – так и не понял драмин Хи.

– В Харте сейчас скрывается Захватчик – сущность, о которой мы не можем судить, поскольку владеем только внешней информацией о ней. Неясно, каким принципом руководствовался Харт, давая Захватчику убежище. Впрочем, мощь Захватчика не могла не заинтересовать видхара, равно, как и пол. Вам ведь известно, что во вселенной, которую мы называем Иное Подобие, девяносто процентов мужского начала.

– Допустим, – сказал драмин. – Но я всё равно не понимаю, к чему это отступление.

Заро к тому времени стал настолько материален, что Балмар мог рассматривать сложные узоры на его накидке.

– Мы знаем, – продолжал ученый, – что вместе с Захватчиком Харт приютил нарушителя закона, кашатера-хомуна Расина. Этот хомун не прошёл и половины пути становления, а то, что он побывал за пределами вселенной – только лишь случайность.

– И что? – в глазах Хи уже поблескивало понимание.

– А то, что пробудившиеся равновесные силы указывают именно на этого хомуна. Кашатеру Расину придется расстаться с силами, которые в нём недостаточно ещё закрепились, и Харт его бесспорно вышвырнет, если уже не вышвырнул. Излучатели начеку. И вам, преподобный, а также вам, господин Балмар, выпадет счастливая возможность с ним по квитаться.

Глава 5

Вадим открыл глаза.

Самая омерзительная на свете рожа нависала над ним. Громадная челюсть, мясистый нос, маленькие, глубоко посаженные глаза. Черные засаленные волосы облепили щеки. Рот с опущенными углами был приоткрыт, а внутри зияла гнилая пустота.

Обладатель рожи был угловатым громилой, белый медицинский халат смотрелся на нём нелепо.

«Кого напоминает?» – подумал Вадим, ещё витая где-то между сном и реальностью.

В одной руке чудовище держало стеклянный флакон, в другой кусок ваты, резко пахнувший нашатырём.

– Какая приятная новость! – радостно воскликнул громила. – Вадим Борисович! Неужели вы осчастливили нас своим возвращением?!

Тут же раздались шаги, из-за широкого плеча громилы показался седой мужчина, тоже в белом халате.

– Исчезни, Эдик.

– Как прикажете, Петр Сергеевич. – Громила встал и, подобострастно поклонившись, удалился. Перед самым выходом он бросил быстрый, многозначительный взгляд на Вадима.

Седой присел на край кровати, согнулся, внимательно посмотрел Вадиму в глаза.

– Поздравляю, – сказал тихо. – Просто чудо какое-то. Я уж думал... вы не выкарабкаетесь.

Он криво улыбнулся. На правой скуле у него красовался свежий шрам.

– Говорить можете?

«Пошёл к чёрту», – хотел сказать Вадим, но губы слиплись.

– Да, вид у вас не ахти, – заметил седой с притворным сочувствием.

Он достал из нагрудного халата небольшой серебристый диск.

– А вот и Нобелевская премия, – сказал седой. – Тут синдром Расина. Кое-что я из вас все-таки вытянул. Тут результаты электроэнцефалограммы и тестов, которые мы с вами успели пройти. А ещё здесь есть описание всех сверхреакций вашего подсознания на внешние раздражители, запечатлен момент экстерниоризации, угнетение альфа-ритма в предкоме и, разумеется, сама глубокая кома. Тем парадоксальней ваше нынешнее пробуждение. Жаль, мне пока не удалось зафиксировать какие-либо проявления работы внутренних психических систем. Помните наш разговор в вашем подсознании? Тогда я вам рассказывал о них.

– Кто вы?.. – с трудом выдавил Вадим.

Седой хитровато усмехнулся и спрятал диск обратно в карман.

– Бросьте прикидываться, – сказал он. – Это не поможет. Да и невежливо забывать опекуна, который ночи напролет корпит над вашим телом, пытаясь сделать вас героем науки будущего.

Что за чушь несет этот сумасшедший?

Еще минуту назад Вадим стоял на границе лабиринта, из которого с трудом выбрался. Кажется, он угодил в яму, падал, потерял сознание. Только вот между тем моментом, когда он отключился, и последующим мигмом пробуждения не было промежутка.

Голова побаливала. Ушиблена... В руках и ногах просто невероятная слабость... Что же, чёрт побери, случилось?

– Полагаю, все ваши тела теперь в сборе, – сказал доктор. – А это значит, пришла пора покрываться, не так ли?

Он провел пальцем по нежно-розовой полоске шрама.

– Когда приходил ваш двойник, на какой-то миг я поверил, что вам, вернее, вашему сознанию, действительно удалось фантастическим образом материализоваться и явиться в реальность. Но потом я понял. Это был ваш брат-близнец! Ониникого не привёл, ведь он знает: у меня всё чисто. Верно?

Стоп!!! – Беззвучный крик едва не разорвал черепную коробку. На несколько секунд Вадим оглох.

Это же нелепый сон. Пока шёл по каналу, не сходил с ума из-за потери памяти. Ты знал, что ты – кашатер, твой дом – чёртов Кантарат, где сидят одни бюрократы. И это всё, что ты должен был знать? Или нет, не всё. Вот ещё что: эти самые бюрократы – основная сила, правящая миром. Вот так. А сам ты отправлен куда-то вглубь вселенной для выполнения миссии, которая этим бюрократам не по плечу. Кажется, о своём задании ты тогда проболтался тому странному существу... персолипу. Но суть этого рассказа уже за пределами участка, освещённого памятью. И похоже то, что персолип тебе ответил, теперь даёт какие-то подсказки.

Шагая по лабиринту, ты был спокоен. Ты был уверен в своей состоятельности. Временные проблемы с памятью ты объяснял издержками перехода из состояния в состояние.

Состояние! Это слово рождал разум. Похоже, у тебя был опыт побывать в разных состояниях и мог по желанию переходить из одного в другое.

Чутье подсказывало: надо идти вперед. Направление не важно. Дорога сама покажет.

И куда тебя закинуло на этот раз?

Вадим с трудом повернул голову. Тумбочка, за ней пустая кровать. У двери вешалка. Справа шкаф. Большой шкаф, за ним можно спрятаться.

Доктор проследиол за взглядом Вадима.

– Именно там он и устроился.

Доктор опять потрогал свой шрам.

– Вы были в коме, – повторил он. – Правда, несколько раз ЭЭГ регистрировала слабые колебания. Полагаю, это и были ваши телепатические сеансы. Они тоже тут. – Он похлопал по карману. – Вам удалось связаться с вашим братом и даже растолковать ему ситуацию. Феноменально! Что ж, обоим ставлю пятерку. Признаться, когда я увидел близнеца, то в первую секунду оторопел. Я подумал, что подтвердились мои самые дерзкие фантазии. Я даже собирался вступить в переговоры с вашим братом. Но внезапно он повел себя агрессивно. Оно и понятно. У вас с ним одни и те же гены.

Доктор злобно ухмыльнулся.

– Ну, и чего ваш брат добился? Слегка оцарапал меня, сломал дверной замок в палате одной из пациенток и в завершение вломился в мой кабинет. Создал на письменном столе беспорядок. А затем выбил решетку и удрал. Как, по-вашему, что он искал? По-моему, он повёл себя крайне глупо, Вадим Борисович. Ведь я... – Он на секунду задумался, подыскивая слова. – Ведь я чист! А вот ваш брат нарушитель. М-да... Ума не приложу, зачем понадобилось ломать дверь в женском отделении. Эта девушка, Костандова... она неконтактна, у нее абсолютный аутизм. Ну, да ладно. Натворил он, расплачиваться вам. Брат отвечает за брата.

Последние слова он весьма немзыкально пропел, и взгляд его стал задумчив. Доктор пошарил по боковым карманам, встал, полез в карманы брюк.

– Так. Сейчас вернусь, – сказал он сухо. – Проведем кое-какие опыты, ответите на вопросы, а затем... В общем, нам обоим удобнее, когда вы находитесь в состоянии медикаментозного гипноза.

Доктор развернулся и вышел.

Костандова!

Что-то кольнуло в груди и отступило.

Вадим попытался оторвать голову от подушки и обнаружил, что у него это получается. Он пошевелил ногами. Ноги были как чужие, слушались плохо.

Вадим подвигал пальцами рук, попытался упереться локтями.

Любые действия давались с большим трудом. Сердце колотилось, словно он только что таскал тяжести.

Костандова... Это имя связано с чем-то важным. Непроявленное воспоминание щеколтало изнутри, заставляло двигаться.

А если попробовать иначе?

Вадим стал запрокидываться на левый бок. Ему удалось поднять правую руку, перенести её над туловищем, ухватиться за край кровати.

Невероятным усилием воли он заставил туловище согнуться. Теперь Вадим мог видеть пол, покрытый зеленым линолеумом.

Кто же она такая, эта Костандова?

Когда доктор говорил о брате-близнеце, ни единого движения не возникло в памяти Вадима, но стоило упомянуть девушку, в ушах зашумело, а во рту почувствовался сладковато-горький привкус.

Доэ...

Вадим подтянулся сильней, теперь плечи уже свисали над полом. Он ещё немного согнулся, центр тяжести переместился, и Вадим рухнул на пол.

Как же чертовски больно. Падая, Вадим не сумел сгруппироваться. Если бы не лёгкий вес, он, вероятно, что-нибудь себе расшиб.

Вадим перевернулся на живот и с пыхтением стал разворачиваться головой к выходу.

Он выталкивал вперед правую руку, упирался предплечьем в пол и наваливался всем телом. Слушайте же, чёртовы мышцы! Однако рука не выдержала, и он вновь стукнулся подбородком в пол. И всё же успел осилить треть метра.

Левая рука поползла по полу. Пальцы работали, помогая ей. Теперь эта рука была впереди. Надо повторить движение: снова упереть предплечье, перенести вес тела на руку... Вадим напрягся, оттолкнулся ногами и – лицом в пол. Но ещё треть метра одолена.

Каждое движение выкачивало из него остатки сил. Но он, тяжело дыша, полз дальше.

Женское отделение. Возможно, оно находится на другом этаже. Ему ни за что не доползти. Но он...

Еще удар. На несколько секунд Вадим отключился. Когда очнулся и поднял голову, то обнаружил, что из разбитого носа капает кровь.

Ерунда...

Вдох. Очередной толчок...

Через пять-шесть движений он будет у двери.

На пути стоит шкаф, а в нём лежат доспехи. Он сам их там оставил. Проверить бы их. Может, он сможет восстановить свои си... Пстой, какие ещё доспехи?

Вадим протянул руку, схватился за угол приоткрытой двери, потащил на себя. Дверь заскрипела и отворилась.

Внутри темно и пусто.

Значит, просто бред.

Может, и Доэ – не больше, чем вздор сумасшедшего.

Куда же ты ползешь?

Вздох. Толчок. И ещё треть метра.

В коридоре слышались шаги.

Вадим дернулся и попытался ползти скорее, но сил уже не было. Руки и ноги больше не слушались.

Он подумал: а ведь тот лабиринт с лиловыми кустарниками давал ему силы. Ведь он всё шёл и шёл по каналу – много часов подряд, но так и не устал.

Да, лабиринт придавал силы, но взамен, похоже, отбирал что-то важное. Что-то, хранившееся в памяти. Может, сокровище, которым он прежде владел...

А что, если всё это было испытанием, намеренно посланным кем-то?

И это значит, что ему во что бы то ни стало нужно отыскать собственную память.

Шаги уже около самой двери. Вадим уперся рукой в пол, и, собрав остатки сил, попытался приподняться. Дверь стала открываться. Будь ты проклят, палач!

Дверь распахнулась. На пороге стоял доктор. В одной руке у него был маленький диктофон, в другой пластмассовый шприц. Доктор шагнул вперёд.

Вадим поднял вторую руку, пытаясь ею защититься. И тут всё исчезло.

Глава 6

На несколько секунд неведомая сила погрузила Милену в мир беззвучия и темноты.

Сначала в теле появилось странное оцепенение, но затем оно сменилось ощущением полной бестелесности. Милена хотела открыть рот и крикнуть, но не смогла. Еще миг – и чувствительность исчезла вовсе. Свободным и подвижным осталось только сознание, но его не к чему приложить.

Не тревожься ни о чём, ты просто переходишь в иной мир, – это звучит внутри, слова рождаются сами. Да-да, именно так. В иное измерение. Это даже не на нашей планете. И может, не в нашей галактике. Пусть даже и смерть, или что-то ещё – но ведь она не исчезла окончательно! Она по-прежнему существует! Значит, есть дальнейший путь!

В миг рождения этой мысли послышались возгласы удивления.

Переход через вневременные врата завершился, и телесные ощущения вернулись. А с ними дрожь.

Вдох.

Тело кажется новым. А может, это другое тело? Милена посмотрела на руки: её ли это руки? Не разглядеть: сумрак...

Она посмотрела по сторонам. Слабый рассеянный свет после нескольких секунд полного его отсутствия был достаточным для того, чтобы исследовать пространство небольшого помещения. Стены и свод представляли сплошь пересекавшиеся плоскости многогранника – ровные, как у обработанного ювелиром камня. Обернувшись, Милена увидела: вместо одной из граней помещения зияет пустота.

– Ребята... где мы?

Виктор стоял рядом и, всё еще тяжело дыша после драки, осторожно ощупывал стену.

– Хотел бы я сам знать... – глухо пробормотал он.

– Мы в склепе, – сказал Макс. Он подошел к Лане: – Ну что?

Та пожала плечами и обернулась:

– У тебя была кровь... здесь, на плече...

Макс пошевелил плечом, сбросил куртку и расстегнул рубашку.

– Ну? Глянь-ка, что там...

– Слишком темно... – сказала Лана. – Встань ближе к свету.

Макс прошёл в ту часть помещения, где было светлее, Лана последовала за ним.

– Ни следа...

Милена поняла: скипетр по-прежнему у нее в руках. Камень поблескивал даже в полумраке.

– Всё это сон, – потрясённо сказала Лана. – Или смерть.

– Нет, не смерть, – сказал Виктор.

– Смотрите на эту стену, – сказал Макс.

Виктор с Миленой подошли к нему. Стена была ярче, она источала свет, Стало, а остальные грани его только отражали.

Виктор протянул руку, чтобы коснуться светящейся грани, но рука без сопротивления ушла в стену. От неожиданности он резко выдернул руку обратно.

– Если это не смерть и не сон, то это гипноз, – прошептала Милена.

– Массовый, – добавил Макс.

– Или виртуалка, – сказала Лана. Она отступила назад и с разгону бросилась в стену. Макс не успел её схватить: Лана исчезла.

В эту же минуту послышался далёкий протяжный гул. Все обернулись. В тёмном проёме медленно проявлялись фигуры калайцев.

– Проклятые липучки! – Макс приготовился к драке.

Виктор остановил:

– Не спеши. Мы в чужом мире. Никто не знает, какие тут законы. Лучше уйдем до того, как они нас увидят! Пусть поищут выход.

Очертания калайцев становились всё чётче. Уже виден застывший ужас и гнев на лицах. Макс протянул руки и шагнул в стену. За ним последовали Милена и Виктор.

Милену обдало холодом, а в следующий миг она оказалась в просторном светлом коридоре.

Тут стояла Лана, вид у неё был растерянный и одновременно воинственный.

– Те люди... они уже там, – сказала Милена.

– Никак не прийду в себя, – зло отозвалась Лана. – Вон выход! – она указала в конец коридора.

– Ладно, пошли! – сказал Виктор.

Он толкнул ворота и на миг все зажмурились от яркого света.

Был день. Несмотря на то, что ещё полчаса назад на небе в Беару загорались первые звёзды.

Компаньоны стояли на пустынной площади, ошарашено глядя на мир, в котором оказались.

Поверхность под ногами была вымощена плитами. Руины храмовых построек, окружающие площадь, были повсюду пронизаны толстыми лианами, и это напомнило Милене Юрзан. Но больше всего поражало буйство красок.

Архитектура носила явно калахайский характер: преобладали трапециевидные формы. Расширенные книзу стены, гигантские многоугольные блоки, циклопическая кладка, часть усечённой пирамиды с двумя пристроенными башнями, часть разрушенной лестницы, ведущей неизвестно куда, остатки колоннады – всё из пористого розового, синего и лилово-серебристого камня.

– Тебе это что-то напоминает? – Виктор указал на пирамиду двадцатиметровой высоты.

– Святилище, – сказала Милена. – Или погребальное сооружение... Похоже на развалины Кускана. Но какое здесь всё... иное. Меня всю трясёт...

– Потерпи немного, скоро всё узнаем. – Виктор свернул к пирамиде. На ходу он несколько раз щелкнул фотомейкером.

Милена пошла за ним. Дойдя до стены, остановилась. Ей было совершенно ясно: вся эта буйная растительность, жадно оплетающая разрушенные стены зданий, никогда не существовала на её родной планете.

– Это чужой мир, – словно прочитав её мысли, сказал Виктор.

Из расщелин в плитах хищно торчали сочно-зеленые гигантские колосья, выставив в стороны острые шипы. Пурпурные листья лиан были широкими, пятилопастными. Милена подошла ближе. Листья напоминали сросшиеся веером хвоинки. Кора отливала красноватым. Милена потрогала её, присмотрелась: вся она была сплошь покрыта маленькими прямоугольными чешуйками.

Вошли в широкую арку, выложенную из шлифованных каменных блоков, Милена вспомнила о снимке, который Виктор сделал в зале Апуон-Тивира. Надо попытаться расшифровать остальные знаки. Но она не успела спросить.

Надежда Виктора на то, что калайцы застрянут в склепе, не оправдалась. Позади с лязгом распахнулись ворота. Увидев беглецов, преследователи с воплями бросились вдогонку.

Компаньоны побежали к пирамиде.

– Вон там! – крикнула Лана.

За густыми зарослями высоких кустарников, преграждавших подступы к пирамиде, темнел широкий трапециевидный вход. Ломая заросли, компаньоны бросились к нему.

– Вот это да! – воскликнул Макс.

Над входом в пирамиду висел огромный диск с рельефными знаками. На секунду все остановились.

– Золото? – поразилась Лана.

– Сон пространства. – Виктор указал на письмена в центре диска. – Тут так написано! Калайцы уже близко.

Макс первым бросился в проём. Остальные – за ним, но ужасный хрип заставил всех обернуться.

Держась за горло, подбегал Аденор. Одежда была вся в крови.

Пропустив девушек, Виктор ринулся ему навстречу. Пнул калайца ногой в живот, но промахнулся, получил подсечку, рухнул на плиты. Аденор навалился сверху и, заливая Виктора кровью, стал колотить. Виктор схватив его за руки и, рыча, попытался оттолкнуть. Ему так удалось его сбросить. Тот вскочил и хотел снова напасть, но Виктор сильным ударом в пах заставил его согнуться.

– Вик, бежим! – крикнула Милена, но было поздно: их окружило трое калайцев.

– Ты – колдун! – завопил Виктор, ткнув пальцем в лицо Аденора. – Ты ведь умер, верно!

Но ты снова жив!

Подбежавшие бандиты остановились и с подозрением уставились на Аденора.

– Он колдун, слышали! – доказывал Виктор. – Он ни мёртвый, ни живой? Если останетесь с ним – ждите беды.

– И то правда! – рявкнул один из калайцев. – Я сам видал, как ты сдох! Эй! Что скажешь, Гальдох!..

Кто-то зло рассмеялся.

– Эй, сколько раз ты можешь ожить, демон?

Воспользовавшись задержкой, Виктор бросился в проём.

– Ублюдки! – слышался рёв Аденора. – Сукины дети!..

Виктор уже мчался вниз, подталкивая Милену, а Лана давно была впереди.

Поначалу лестница вела прямо, затем стала заворачивать. Становилось всё темнее, но вскоре Виктор с Миленой настигли Макса и Лану.

– Ну, куда дальше? – спросил Макс.

Тяжело дыша, Виктор огляделся. Тут был сумрак, и полагаться можно было только на интуицию.

Макс включил фонарик. Стали видны большие камни, из которых был выложен тоннель.

– Сон пространства, – сказала Милена. – Что это значит?

– Не знаю, – пожал плечами Виктор: – Наша задача – оторваться от этих сумасшедших.

– Что они от нас хотят? – спросила Милена.

– Гальдох думает, что мы пришли за сокровищами его предков, и он прав, – сказал Виктор. – А теперь вперёд.

Некоторое время двигались молча. Старались идти так быстро, как только можно, сосредоточено всматриваясь в темноту впереди.

Голоса сзади постепенно стали стихать.

Прошло с четверть часа, а они всё шли. Ступени плавно поворачивали. В воздухе появился неприятный запах.

«Мы в другом измерении, – думала Милена. – Мы идем дорогой, которой шёл дядя Ромуальд. Нас преследуют бандиты. Всё как в дешёвом кино, но от этого можно сойти с ума».

– У меня впечатление, что пирамида осталась далеко в стороне, – сказала Лана. – Неужели эти ступени когда-нибудь закончатся?

– Мы движемся по спирали? – сказал Виктор. – Вниз.

– К центру земли, – хмыкнул Макс. – Чем тут так воняет?

Ступеней через тридцать-сорок они неожиданно вышли на ровную площадку. Свет фонаря пробежал по полу и рассеялся в пустоте. Хлопок – и тысячи разноцветных пятен вспыхнули вокруг, наполнив гигантскую полусферу мерцающим светом. В самом центре этого фантастического зала стоял каменный цилиндр размером с двухэтажный дом, и на нём неподвижно сидел забинтованный в отрепья, пропитанные то ли воском, то ли каким-то жиром, гигант.

У Милены задрожали колени, и она едва не опустилась на пол: её подхватил Макс. Все прижались к стене.

Существо сидело неподвижно, положив руки на подлокотники и соединив колени. Шея была пряма, лицо направлено вперед.

Это была не статуя, не макет. Существо дышало, и с каждым вдохом его плечи поднимались, а с выдохом снова опускались. От пола до макушки гиганта было не меньше четырех человеческих ростов. Конечности были неимоверно толсты, особенно массивными казались кисти, стопы, лоб и челюсть. От чудовища разило тухлятиной.

– Вы видите то же, что и я? – взволнованным шепотом спросила Лана.

– Это просто... сон пространства... – пробормотала Милена.

– Сон или нет... а привал не объявляли. – Виктор пытался шутить, но голос его враз осип. – Надо сбоку обойти...

– Но куда? – прошептала Лана. – Там стена...

«Нет, это сон пространства», – пробормотала Милена. Борясь с чувством ужаса и отвращения, на негнущихся ногах вместе со всеми она стала обходить гиганта. Лана, шедшая впереди, остановилась.

– Смотрите...

Существо медленно поворачивало голову.

– Стоп! – крикнул Виктор. – Назад!

Компаньоны попятились к лестнице, вдруг Милена увидела в стене дверь.

– Туда! – она указала пальцем.

Они подбежали. Дверь была из серого металла и почти сливалась со стеной. Если бы не рельефное украшение в виде свернувшейся кольцами змеи, она была бы незаметной.

Макс вцепился в край и дёрнул на себя, но дверь не поддавалась.

– Гляньте-ка! Оно... о ужас! – голос Ланы дрогнул.

Гигант открывал глаза. Пасть разверзлась чёрным провалом, и по залу разнёсся рокот, точно где-то вдалеке рухнула тяжёлая башня.

И в эту минуту в зал, шатаясь, заскочил Аденор Гальдох. Лицо было белее снега, а одежда блестела от крови. За ним выбежали остальные.

– Да ломайте же её! – крикнула Лана.

Вместе с Максом они принялись колотить в металлическую поверхность, но дверь не поддавалась. Виктор приготовился к обороне. Милена крепче сжала скипетр и стала рядом с ним.

Калайцы, увидев гиганта, замерли. Гигант продолжал невнятно рокотать, и в этом рокоте звучал гнев. Он пытался подняться, но не смог: плоть прилипла к сиденью намертво.

Увидев, что гигант не представляет угрозы, Аденор ухмыльнулся и пошагал к Виктору с Миленой. Следом двинулись остальные калайцы.

– Дверь, – бросил Виктор. – Навалитесь вместе.

– Нет, она неприступна, – обернувшись, крикнула Лана.

В отчаянии Миленахватила по двери скипетром. Тотчас раздался скрип, из образовавшегося проемаглянула пустота. Лана тут же в неё нырнула.

– Макс! – позвала она. – Посвети!

Милена шагнула следом, за ней Макс. Луч света проник в узкое помещение, скользнул по стенам.

Захлопнув за собой дверь, Виктор пнул её ногой.

- Проклятие! Если чёртов калаец от нас не отстанет, я убью его еще раз! – крикнул он.
- Я не убивала его, – сказала Лана. – Только поцарапала.
- Зазвучали тяжёлые удары, но дверь снова была неприступной.
- Ужас и кошмар... – бормотала Милена. – Этого не может быть.
- Нет, может, – сказал Виктор. – В другой реальности. Нам пока трудно это понять.
- Это не реальность, это бред, – простонала Милена.
- У кого-то еще фонарь? – спросил Макс. – Я-то свой не включал...
- Скипетр... – Милена подняла выше. – Камень опять светится.

Аденор Гальдох замер, расслышав знакомые заклинания. Огромный урод говорил на языке, похожем на язык айяра.

Оставив в покое дверь, он развернулся и крикнул:

- Кто ты такой, урод?!
- Я – Шельхуа, великан, хранитель каметинских скрижалей, хозяин подземного города, который построил сам! В своем подземелье я жду времен, когда сюда вновь придут великаны, и до тех пор никто не посмеет нарушить мой покой!
- Открой эту дверь, урод, и мы исчезнем! Нам от тебя ничего не нужно!
- В ответ раздался хохот. Огни на стенах затрепетали.
- Тут я решаю! – прогремел великан. – Я открыл тебе тайну и взамен заберу твой разум.
- Не говори чепухи! Тебе меня не остановить, урод! – Аденор плюнул. – Твои заклинания не подействуют! Я – заговорённый. Лучше останови тех белых. Они хотят украсть твои скрижалей!
- Нет! – пророкотал великан Шельхуа и поднял исполинскую руку. – Скрижалей останутся в подземном городе! Я остановлю пришельцев. Я пошлю за ними своих слуг!
- Давай, зови их! – потребовал Аденор.
- Гигант захохотал.
- Слепец! Ты не видишь их, но они уже здесь! И они – мертвы! – и он произнёс заклинание.

Аденор Гальдох не успел сказать ни слова. Он застыл на месте и безвольно повис на невидимых костылях. Лицо его обезобразилось, по коже поползли серые пятна: они выцветали, съедая участки кожи и образуя на их месте пустоты. То же случилось с остальными. Тела калайцев скорчились, руки вытянулись и изогнулись, образовав новые суставы, и уже через минуту перед Шельхуа стояли, покачиваясь, семь безобразных страшилищ с лицами, изъеденными гниением.

– Вот они, мои слуги-пхуты, – сказал великан. – Восстаньте же и отыщите тех, кто самовольно вторгся в мою обитель!

И дверь тотчас распахнулась.

– Ступайте! Убейте их! – велел Шельхуа.

Тела пхутов пришли в движение, ноги зашаркали. Пошатываясь, слуги Шельхуа побрели к проёму.

Когда последний из них переступил порог, дверь за ними тут же закрылась.

Этот тоннель показался Милене ещё мрачнее, чем предыдущий. Идя по нему, она не отпускала локоть Виктора ни на секунду. Через пару сотен шагов коридор, шедший под уклон, оборвался ступенью. Соскочив с неё, компаньоны оказались в широком жёлобе, пролегающем вокруг стены.

Стена закруглялась. Через неравные промежутки в ней были проложены невысокие трапиевидные входы. Свет сам собой заглядывал в них. Длинные узкие коридоры, петляя, вводили вглубь.

Пройдя по жёлобу в обе стороны, они уткнулись в глухие тупики.

– Ну, что теперь, командир? – спросил Макс. – Похоже, тут целый лабиринт. Испытаем судьбу или попытаемся выбраться назад?

Виктор молчал.

– Я от усталости с ног валюсь, – призналась Милена. – Место, конечно, унылое, но ничто не помешает нам передохнуть.

– Собраться с силами будет кстати, – согласился Виктор. – Пора нам перекинуться впечатлениями. Как вы?

– Я могу, не останавливаясь, идти три дня, – отозвался Макс. – Но я тоже хотел бы послушать, кто из вас что обо всём этом думает.

– Я предпочитаю экономить силы и соизмерять их с работой, – твёрдо сказала Лана. – Надо сделать привал.

– Всё-таки будет разумно сначала исследовать коридоры, – заметил Виктор. – Здесь останавливаться небезопасно.

Лана потянула носом.

– Чувствуете запах?

– Вроде, как снова тухлятиной смердит, – шепотом сказал Макс. – Неужто где-то рядом ещё один такой урод засел? А может, тут неподалёку подземное кладбище?

– Да тут сотни лет ничья нога не ступала, – покачала головой Лана.

– Здесь могут быть токсичные газы, которые идут из-под земли, – предположил Макс. – Я о таком слышал...

– Берегитесь! – крикнула Лана.

Милена развернулась, свет выхватил из тьмы несколько бледных силуэтов.

В безмолвии, пошатываясь, на них надвигались призраки. Головы болтались на шеях, вместо лиц чернели пустоты, изломанные руки тянулись вперёд.

– Чёрт! Они все... дохлые! – Макс выскочил навстречу и поднял кулаки.

Призраков это нисколько не испугало. Они продолжали наступать с тем же сонным спокойствием.

Лана выхватила у Милены скипетр и стала рядом с Максом.

– Что с ними?..

Макс не ответил.

– Эй, мистер Гальдох? – воскликнула Лана. – Это вы? Что вам за дело до нас? Когда вы оставите нас в покое?

Призраки зашамкали ртами, бормоча какую-то ахинею.

– Вот дерьмо!.. – выругался Макс.

– Только этого не хватало, – сказала Лана.

Макс ударил ногой, но только чиркнул носком ботинка по склизкой плоти, и вся сила удара ушла в пустоту. Калаец слегка покачнулся и нескладно шагнул вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.